

Иосиф Берг

18+

ВЫЖИТЬ, ЧТОБЫ ЖИТЬ

Иосиф Берг

**Выжить, чтобы жить. Часть
вторая романа «Sancta roza»**

«ЛитРес: Самиздат»

2020

Берг И.

Выжить, чтобы жить. Часть вторая романа «Sancta roza» /
И. Берг — «ЛитРес: Самиздат», 2020

Эта книга «Выжить, чтобы жить» – вторая часть авантюрного романа Иосифа Берга «Sancta roza» («Святая роза») В продолжении романа описаны драматические события, которые произошли во время движения военного эшелона с добровольцами на фронт. После авианалёта фашистских асов движение поезда оказалось невозможным, но штрафникам штрафного батальона пришлось совершить почти невероятное – быстро восстановить железнодорожные пути. Помимо описания судьбы главного героя в романе раскрыты другие образы – патриотов и предателей, трусов и уголовников, чья судьба свела в суровые дни войны.

Содержание

Глава 1	5
I	5
II	8
III	11
IV	14
V	16
VI	19
VII	21
VIII	23
IX	25
X	27
Глава 2	28
I	28
II	29
III	30
IV	32
V	34
VI	35
VII	37
VIII	39
Конец ознакомительного фрагмента.	43

Иосиф Берг

Выжить, чтобы жить. Часть вторая романа «Sancta roza»

Глава 1

Добровольная неволя

I

Илья лежал на неструганных досках прифронтовой землянки. В голове раздавался надоедливый лай собак и вертелись ядовитые приколы, иногда неуместные шутки такого же, как и он, страдальца – рябого рыжеволосого урки. «Ты, Илюшенька, представь, что это не лай, а гармошка надрывается, твое освобождение празднует, глядишь и полегчает, душу рвать не будет», – как наяву слушал штрафник возбужденный шепот Шпона.

Пытаясь заглушить боль раненого плеча, Алёшин перевернулся на спину. В землянке было тихо. Дневальный по-прежнему отсутствовал.

«В списках убиенных на листках, что лежали на столе проныры Шпона вроде не было, значит, сорвиголова выжил. В окопе он был рядом со мной, а в бумажках отсутствует, наверно замполит вместе со всеми ему мозги вправляет», – продолжал тихо переживать Штрафник.

В памяти великана всплывал то немецкий дот, то окоп, то плац пересылки и стоявших осужденных, вдоль которых неторопливо прохаживался невысокого роста морской офицер, всматриваясь в истощенные серые лица этапируемых.

Сквозь дрему в сознание солдата-штрафника явились посеревшие от времени, бесконечных дождей и снежных бурь приземистые бревенчатые бараки с трехъярусными деревянными нарами внутри. Илья, как наяву, ощутил жуткие от запаха скопища давно немых тел, грязных портков и стоявших при входе параш. Вросшие в землю строения ГУЛАГовской пересылки жались друг к другу в несколько рядов, огражденные таким же посеревшим от времени деревянным забором с колючей проволокой сверху и двойной следовой полосой. Вокруг ограждения в зонах двойного прострела виднелись вышки, вышки, вышки... Почти у входа в ограду сразу за двухэтажным деревянным зданием администрации и сложенным из кирпича караульным помещением с одиночными карцерами внутри начинался плац, на котором администрация то ли полулагеря, то ли полутюрьмы встречала и провожала этапируемых осужденных.

За глухим забором и колючей проволокой на другом берегу реки простирались необъятные пылающие разноцветными красками уходящего лета просторы приполярной тундры. Там, за своенравной холодной северной рекой, предполагалась желанная свобода.

Котласская пересылка для всякого конвоируемого люда служила «воротами» на все четыре стороны, одной стороной – на северо-восток, к бесконечным шахтам и стройкам, другой – сразу к праотцам, третьей – на свободу, сродни второй, и последней – на бескрайние просторы северных окраин нужды и голода. Дальше на Севере осужденных ожидала следующая Воркутинская пересылка, после которой обычно заканчивался этап и начинались изнурительные будни отдаленных и всеми забытых рабочих зон. Алёшин еще и еще раз мысленно прошел путь из Соловков на Беломорканал, затем на Воркутинскую шахту, где пробыл

совсем недолго, а потом неожиданно вернулся на обширную лагерную территорию пересыльной тюрьмы небольшого городка Котлас.

Котласская пересылка, где проводились сортировки этапиремых, была для зэка открытыми «воротами» на дальний Север, откуда обычно мало кто из осужденных возвращался, не дожив до освобождения. На внутреннем плацу пересыльного отчуждения проводились ежедневные традиционно выматывающие жилы сортировки вновь прибывших и далее этапиремых осужденных.

Илью успокаивало лишь то, что на пересылке отсутствовали десятники, старшины, другие командиры из числа ему равных сидельцев. В пересыльных тюрьмах в большинстве своем не предполагались изнурительные принудительные работы. Там всем управляли и строго следили за исполнением распоряжений военные внутренних войск НКВД. Обычно на нарах пересыльной зоны этапиремые долго не задерживались – одну-две ночи и в путь, но не в тот раз. Прибыв в Котлас с Воркутинского исправительно-трудового лагеря, Алёшин, не выходя из барака, проспал кряду более трех суток, а потом заскучал. Не обращая никакого внимания на шум в казарме и спящих между рядами нар сокамерников, он упирался взглядом в доски второго яруса и не мог заснуть. До второго и последнего звонка отсидки ему оставалось каких-то пять месяцев. Постоянно ожидая подвоха от администраций для намеренного продления срока, Илья ни с кем из лагерного начальства не спорил, шел на любую работу, исполнял все задания и поручения, от которых год назад мог бы и отказаться. Попасть в карцер ему также не сильно хотелось.

Там, где-то далеко за забором грохотала война, но злая круговерть событий даже во времена военного лихолетья крепко держала и продолжала загонять советских граждан в тюрьмы, казармы исправительно-трудовых лагерей. Многие, как и Алёшин, властным чинопоклоном из уединенных дворовых хозяйств, теплых семейных очагов, производственных цехов и лабораторий были согнаны в лагерные бараки страны. Подневольные лишенцы через бесконечные страдания и разруху как могли приспособивались к новому ограниченному забором и колючей проволокой месту пребывания, преодолевая беспросветную нужду, холод, голод, грязь, вьедливую гулаговскую вошь.

С началом боевых действий заключенный кузнец много раз писал прошения идти на фронт, но, как и многие лишенцы, получал постоянный отказ.

За гнетущими душу мыслями и беспросветной тоской о погибшем деде, о его вдове – бабке Магде Илья не услышал лагерной сирены и громкой команды строиться на плацу. От забытья он очнулся лишь от боли в босых ступнях. Приподнявшись на локтях, увидел рыжую голову приятеля.

– Ты чего колотишь? Больно же!

– Команду на построение, не слышишь что ли?

– Нет, конечно! Я уши заткнул, а чё?

– Давай быстрее, а то места козырные сидельцы растащат!

– Беги, стройся, я пока обуюсь, – проговорил Илья, вытаскивая из-под себя портянки полностью не просохшие после стирки.

Надев сапоги и накинув на плечи серую застиранную арестантскую куртку с пришитым номером, Алёшин вышел на улицу. Небо было пасмурным, над собравшимися на плацу людьми в четыре шеренги нависали серые с тяжелым свинцовым отливом облака. «Скоро польёт? Интересно до дождя нас отпустят или все дружно будем мокнуть?», – думал Илья, рыская глазами по рядам стоящих зэка, выискивая коротко стриженный рыжий затылок приятеля.

В ожидании дальнейших событий осужденные тихо, одними губами, переговаривались либо сосредоточенно молчали. Найдя в последнем ряду середины строя Егора, Илья подошел к нему сзади и тихо подтолкнул в спину. Толкая в спины и бока впереди стоящих, Егор Ермилов по кличке Шпон тихо зашипел:

– Граждане страдальцы, дайте место Илюшеньку пропустить! Душегуб не успокоится же, пока всех тут не затопчет!

Шеренги осужденных дернулись, волнообразно зашевелились, протекая в обе стороны, уплотнились, освобождая дополнительное пространство для Алёшина.

– Много вас там еще? – не оглядываясь, недовольно заворчали в первых рядах.

– Ты, малой, чего в середине толкаешься?

– Вставал бы впереди, виднее будет!

– Не-е-е-е, ребята! Чего я вертухаев давно не видел что ли? О чем базар пойдет, я услышу, а что не увижу, Илюшенька разглядит. Я от этого верзили никуда, кто же вас оберегать будет, его ноги в нужную сторону направлять? Верно говорю?

Окружающие одобрительно захихикали.

В центре лагерного плаца стоял стол и два табурета. Один занял пожилой моряк с лычками старшины, второй табурет оставался свободным. Позади стола, ближе к первой полосе колючей проволоки, о чем-то бурно споря, стояли офицеры НКВД. Справа и слева от офицеров вдоль забора и на всю ширину шеренг этаплируемых зэка в один ряд выстроились солдаты охранения с овчарками.

«Тогда суки постоянно тьякали, тоже подумать не давали», – вспомнил великан Илья Алёшин.

Легкий ветерок с севера постепенно разогнал шум от лая сторожевых собак, разрывавших напряженную тишину лагеря. Четырьмя извилисто неровными шеренгами, понуро опустив головы, переминаясь с ноги на ногу, потеряв счет времени, этаплируемые продолжали стоять. Наконец, к столу вышел комендант лагеря и, обращаясь к заключенным, громко крикнул:

– Всем смирно! Внимание на середину!

Шеренги зашевелились и замерли. К коменданту подошел начальник лагеря.

– Кто дал команду собак внутри колючки поставить? – негромко спросил он своего подчиненного.

– Вдруг бунт?! Одни твари уголовные да суки белогвардейские собраны здесь.

– Автоматчиков оставь, а собак выведи за периметр. Лаять меньше будут. Надоели!

– Слушаюсь! – козырнул комендант и побежал исполнять распоряжение.

Подождав пока выведут собак, начальник лагеря зычным протяжным голосом обратился к этаплируемым:

– Граждане заключенные! Наша Родина переживает тяжелые дни. Армия на фронтах несет большие потери! Мы обязаны остановить, а затем разгромить врага. Своим приказом номер 227 от 28 июля 42 года «Ни шагу назад» нарком обороны СССР товарищ Сталин взвалил на себя ответственность за ваше освобождение из-под стражи...

Он оказывает огромное доверие в искуплении на фронте ваших противоправных действий против Родины. Всем слышно? Даю десять минут подумать! После чего желающие добровольно искупить свою вину перед Родиной и Сталиным должны выйти из строя на пять шагов, – закончил полковник свою речь, глядя на ручные часы.

Выслушав оратора, зэки, неуверенно переминаясь с ноги на ногу, продолжали стоять. Вдоль ломаных рядов осужденных, вглядываясь в худые от постоянного голодания обветренные понурые лица, все время ожидания прохаживал капитан третьего ранга Байков Александр Иванович.

В его голове роем кружились разные мысли, но не покидала одна и главная:

«А не зря ли он согласился принять штрафной батальон и как у него, морского офицера, получится управляться с этим разношерстным людом?».

Занимаясь организацией набора добровольцев в настоящем, капитан третьего ранга Байков периодически мыслями возвращался в недалекое прошлое.

II

– Товарищ командующий! Разрешите? – спросил капитан третьего ранга, открывая дверь большой совещательной комнаты штаба Северного флота.

– Входите, входите, уважаемый Александр Иванович! Мы вас ждем, – кивнул командующий Северного флота Головкин в сторону присутствующих офицеров, задергивая шторку висевшей на стене карты, – проходите, присаживайтесь за стол, разговор будет долгим, но, думаю, интересным.

Морской офицер вошел в кабинет и присел на край одного из стоявших вдоль стены стульев.

– Как вы думаете, зачем мы вас пригласили? – спросил один из сидевших за столом в штатском.

Байков ничего не ответил на вопрос чужака, лишь ниже опустил голову. Он-то хорошо понимал, что главные разборки о потопленном корабле, которым он командовал, впереди, что его не трогали, пока он, боевой офицер, почти месяц валялся в мурманском госпитале.

– Как ваша рука? Не болит? – добродушно улыбаясь, поинтересовался командующий.

– Обе руки в порядке. Все зажило, как на собаке, нога вот по ночам беспокоит, но я готов встать в строй и выполнить любое ваше поручение, Арсений Григорьевич! – поднялся с места капитан третьего ранга.

– Сидите, сидите, вижу, надоели госпитальные койки?

– Так точно! Я здоров, а нога... так, остаточное. Осколком кость задета, на погоду бедро ноет, но к службе готов!

– Готов или не готов – доктора подскажут.

– Конечно, – окончательно сникнув, пожал плечами морской офицер. Его еще больше насторожил бодрый тон командующего.

– У меня лежит докладная записка наших союзников. В документе говорится о том, что вы покинули сопровождение конвоя и бежали, оставив на растерзание противника безоружные суда.

– В таком случае в пехоте говорят – драпанули с поля боя, – бросил реплику присутствующий в кабинете человек в штатском.

– Никак нет, товарищ командующий! Никто никого не бросал и с поля боя не драпал! Я стервятников от конвоя уводил. Они за мной в Мотовский погнались, пропуская караван. Я не заметил, что у одного мессера на подвеске торпеда болталась. Она-то наш траулер пополам и развалила, но мои пулеметчики успели летуна в море сбросить. В экипаже судна погибших нет, раненые вылечены.

– Читал я ваш рапорт. Что команду спасли – это похвально, а вот ваши маневры на море предстоит еще изучить и проанализировать.

– Этим как раз органы и собираются заняться, – глядя в стол, произнес незнакомец в штатском, откинув полы коричневого пальто из драпа.

– По рапорту англичан ждем комиссию из Москвы, кстати, вы на отличившихся в бою матросов наградные листы представили? – спросил командующий.

– Рапорт-то я сразу, как очухался после ранения, в штаб флота с посыльным направил. Жаль, на борту зенитного орудия не было, пулеметы-то высоко не достают, – принялся вслух переживать капитан третьего ранга Байков, рассматривая синие галифе с генеральскими лампасами и до блеска начищенные хромовые сапоги незнакомца: «Видно по мою душу прибыл? Ничего хорошего не ждёт».

– Читал, рапорт ваш внимательно прочел, однако воюем теми силами и средствами, что имеем. У нас, всех в кабинете присутствующих: к вам предложение послужить на берегу. Поду-

майте, прежде чем согласиться, но я отказываться бы не стал. Флот вас характеризует с положительной стороны, и органы провели проверку, – глядя на гостя, произнес командующий Головко.

– Вы меня на берег списываете? – откровенно спросил Байков.

– Нет, что вы! Опытные боевые командиры нам на флоте ой как необходимы! Однако соседи армейцы просят одну щекотливую помощь оказать. Пока суть да дело, надо скататься на Большую землю, а потом – снова в море! О приказе № 227 наркома обороны слышали?

– Не только слышал, сегодня по прибытии внимательно прочел, в штабе при ознакомлении расписался.

– Вот и отлично! Надо с материка в Кандалакшу в распоряжение 52-й дивизии 14-й армии пополнение привезти.

– Но это же не наш укрепрайон? – изумился капитан третьего ранга.

– Фронт один! Война дело общее, с членами Мурманского комитета обороны согласовано, нашим соседям, 14-й армии, надо помощь оказать! А мы тут разные московские комиссии встретим! Кстати, и члены военного совета флота считают, что так будет лучше для всех нас.

– Если надо, готов, – по-военному чётко ответил морской офицер.

– Вот и ладно! Другого ответа я и не ожидал. Сегодня, сейчас, вам надлежит вступить в должность командира четвертого отдельного штрафного батальона и отправиться на материк за пополнением. Для обеспечения организации набора с вами едет майор – заместитель начальника особого отдела 14-й армии.

– Товарищ командующий, у меня просьба, – поднялся со стула Бойков.

– Излагайте, обсудим! – хмыкнув, отозвался командующий Северным флотом Головко.

– Если мы отправляемся на материк, разрешите взять мою команду. За месяц на берегу ребята совсем скисли, без дела болтаются, отпуск вроде им не положен и на корабли до особого назначения не распределяют, пусть тогда при мне будут, на материк со мной прокатятся?

– Запрос был на одного офицера, – недовольно буркнул худощавый мужчина в штатском.

– Вы же говорите временно! – обратился Бойков к командующему, пропустив мимо ушей замечание гостя, – привезем новобранцев и в строй! Командировку оформить моим ребятам разве нельзя?

– Предложение дельное. Алексей Федорович, что вы на такое предложение скажите?

– Как мы ваших моряков на довольствие поставим? Они же пока не штрафники! – начал возражать начальник УНКВД Мурманской области Ручкин.

– Довольствие останется нашим, пусть едут командировочными, – поддержал предложение Байкова присутствующий на совещании начальник штаба Северного флота Роман Григорьевич Кучеров.

– Надо подумать, – соглашаясь пробубнил гость в штатском и тут же продолжил:

– Но вы уже не один. Можете познакомиться с майором.

Только после этого капитан третьего ранга Байков обратил внимание на сидевшего в противоположном углу кабинета мужчину в форме майора НКВД. Офицер встал, пожал руку Байкову и вышел из кабинета.

– По поводу команды предложение действительно разумное, собирайте ребят в дорогу, в самолете места хватит. Вам часа на сбор команды достаточно!

– Успеете? – спросил начальник штаба Северного флота.

– Так точно! Успеем!

– Необходимые документы до конца дня получите у моего помощника, – подвел итог разговору командующий.

Обогнув стол, подошел к Байкову и, пожимая руку, тихо произнес:

– Прошу, будьте аккуратнее. С этими служаками особо не спорьте, делайте свое дело, вам на все десять дней. Завтра встречаем комиссию, а послезавтра этим же транспортным бортом – на материк. Надеюсь, для своей команды документы на вылет оформить сегодня успеете?

– Слушаюсь, товарищ командующий, все успею, – отрапортовал капитан третьего ранга и вышел в приемную, где его ожидал майор с малиновыми петлицами.

III

– Время вышло, – зычный голос полковника вернул Александра Ивановича к действительности. Моряк еще раз внимательно оглядел шеренги заключенных. «Какая у них внешность все одинаково серые, попробуй, установи, кто воевал, а кто так...» – подумал Байков и не спеша пошёл вдоль рядов, внимательно всматриваясь в лица.

Вернувшись к столу, морской офицер громко скомандовал:

– Бывшие кадровые военные независимо от партийной принадлежности и взглядов на власть, а также бывшие военнослужащие белой армии пять шагов вперед – ма-арш!

Высокий баритон морского офицера разорвал тишину, но шеренги заключенных не шевелились. Осужденные продолжали стоять, не шелохнувшись. К моряку приблизился полковник НКВД и, глядя на свои часы, властно прокричал:

– Даю вам еще пять минут подумать и все! Больше такой возможности освобождения из-под стражи ни у кого из вас не будет! Время пошло!

Такое долгожданное и совершенно неожиданное известие о немедленной свободе повергло присутствующих ээка в ступор. Всем, стоявшим на плацу, казалось, что секунды стали отсчитывать вечность. Каждый из присутствующих уже слышал о приказе. По хатам и баракам ходили разные слухи, но каждый думал, что это его не коснется. Многие стоявшие на плацу осужденные уже получили отказы на прошения об отправке на фронт. Но чтобы вот так просто может произойти – никто не ожидал. Перед принятием решения замерли даже блатные, а рядом с ними притихли неугомонные урки. Пару минут спустя строй дрогнул, медленно качнулся, сверкая бритыми высоко поднятыми головами, вперед вышли с десятков осужденных.

– Негусто! – состроил удивленную гримасу полковник.

– Повторяю еще раз, – заполнил паузу капитан третьего ранга, – все без исключения бывшие кадровые военные офицерского и сержантского состава, будь то бывший красный командир или красноармеец, колчаковец или другой какой белогвардеец, выйти вперед на пять шагов!

Шеренги осужденных вновь медленно качнулись и вперед вышли еще несколько человек.

– Каэры вам зачем? – тихим голосом поинтересовался полковник.

– Это кто? – также тихо спросил Байков.

– У нас каэрами зовут бывших разномастных белогвардейцев с 58-й, – ответил начальник пересылки и уже громко прокричал в молчаливый строй понуро опустивших головы этапиремых осужденных: – На фронт поедут только добровольцы! Те, кто осознанно желает кровью искупить свою вину перед Родиной.

– Все, кто откажется добровольно Родине послужить, продолжают путь по этапу на работу в воркутинские шахты и на самые дальние лесозаготовки, уж я-то о вас, сволочах, позабочусь! – закричал подбежавший к столу офицер в шинели с малиновыми петлицами начальника штаба охраны пересылки 5-й должностной категории НКВД Заикин.

Строй вдруг дружно дрогнул, каждый из присутствующих когда-то испытывал на себе или был наслышан о методах «заботы» этого начальника. Самое малое, что было на слуху, – это купание этапиремых из брандспойта водой, закаченной из подмерзающей реки. Ээка первой шеренги разом шагнули вперед, за ними последовали из других рядов. Ермилов зацепился руками за Алёшину куртку и потянул вперед вместе со всеми:

– Илюшенька, потащились, а то опоздаем. Я как-нибудь без холодного душа с иголками под ногтями обойдусь. Лучше уж на фронт, чем в лапы к этому душегубу!

На местах, оглядываясь по сторонам, остались стоять лишь единицы неуверенных в себе, своей судьбе этапиремые.

– Давно бы так, – более тихо и миролюбиво восхитился начальник пересылки полковник НКВД.

Он указал рукой в сторону оставшихся стоять заключенных. Охранники быстро их окружили, построили пятерками и повели в отдельно стоящий отдаленный барак. Начальник пересылки со своим заместителем, взглядом проводив подопечных отказников, присоединились к группе офицеров НКВД и продолжили со стороны наблюдать за происходящим.

Среднего роста морской офицер с коротким «ежиком» прошелся вдоль строя добровольцев и тихим, но не терпящим возражений голосом произнес:

– Бывшие военные наместе, остальные – пять шагов назад марш!

Шеренги вновь зашевелились и плавно переместились на прежнее место. Перед морским офицером осталась стоять группа этапирруемых.

– Разобраться по ранжиру слева направо! – прозвучала команда.

Группа добровольцев задвигалась, пока окончательно не вытянулась в шеренгу в первом ряду общего строя.

– Вы почему не выполняете команду? Особое приглашение надо? – обратился морской офицер к продолжавшему стоять моложавому седовласому заключенному без знаков различия на дорогом офицерском мундире.

– Капитану третьего ранга полковником Красной армии командовать не по чину, – также тихо ответил осужденный.

– Вы же бывший полковник?

– Меня осудили, от должности отстранили, но звания не лишили, видимо, забыли, нашивки сам снял, чтобы вертухаев местных не раздражать, так что пока действующий!

– Все еще впереди, могут и лишить, – отозвался вновь подошедший офицер НКВД Заикин.

– Вставайте в шеренгу слева, – обращаясь к осужденному, произнес моряк.

– Товарищ капитан третьего ранга, отойдем на пару слов, – нетерпеливо отозвал Байкова офицер охраны пересыльного лагеря.

– Без особого распоряжения нашего командования полковника не отдадим, даже если он и доброволец, – начал свой монолог начальник штаба охраны Заикин, не дожидаясь, когда к нему приблизится морской офицер.

– Я же не на прогулку его собираю! – начал было возражать военный, – у меня приказ командования – бывших строевых офицеров оформлять в первую очередь!

– Кто сказал, что полковник бывший? Его звания никто не лишал, он на отсидке «до особого», – продолжал настаивать на своем Заикин.

– Значит, будет вам это особое распоряжение! – добродушно подытожил капитан третьего ранга.

– Когда будет, тогда его и получите!

– По другим добровольцам особого контингента вопросов нет?

– Пока нет. Мы для вас этот контингент несколько дней собирали!

– Все личные дела ваших добровольцев прошу передать со мной прибывшим офицерам!

– Личные дела зэка вам-то зачем? Они же по нашему учету проходят, а в армейских частях свой учет?

– Вы полагаете, что в армии прошлое и настоящее штрафников никому не интересно?

– Ничего я не полагаю. В Красной армии, насколько я помню, своя система учета кадров.

– Вас, как мне видится, система воинского учета Красной армии беспокоить не должна, – осторожно возразил Бойков, памятуя о наставлениях командующего не спорить с сотрудниками НКВД.

– Завтра к утру документы будут готовы и весь этот сброд ваш, – выдал из себя начальник штаба охраны лагеря.

Дождавшись, когда подойдет Заикин, начальник лагеря направился в штабной блок пересыльной тюрьмы. За ним потянулись все остальные офицеры НКВД. На плацу остался лишь дежурный, в обязанности которого входило обеспечение порядка, и каждому конвоиру достаточно было лишь его взгляда, чтобы приступить к силовым действиям.

– Кадровые военные остаются наместе, остальным подойти к столу, назвать фамилию, имя, номер лагерного учета, затем можно пройти в свои бараки для сбора вещей и подготовки к переходу, – прокричал команду капитан третьего ранга. За стол к старшине подсел морской офицер в звании лейтенанта, и моментально выстроились две длинные цепочки добровольцев.

– С этими что собираетесь делать? – полюбопытствовал дежурный пересылки, с любопытством и интересом рассматривая шеренгу осужденных бывших военных.

– Ставить задачу по приему под командование бойцов формируемого переменного состава.

– Какую задачу? Кому? Этим? – уже не удержался от вопроса офицер НКВД, – вы можете ставить задачи какие угодно, но по приказу из Москвы этапировать осужденных до места назначения будет наша служба. Пока приказы о зачислении этих тварей в строевые подразделения не будут согласованы с нашим руководством, охрану никто снимать не собирается.

– Делайте, как знаете, только мне не мешайте исполнять приказ моего руководства, – прошептал морской офицер. И, обращаясь теперь уже к стоящим в одну шеренгу военным, громко добавил: – Товарищи добровольцы, прошу также подойти к столу для регистрации. Надо назвать фамилию, имя, бывшее звание и ранее занимаемую должность, после обеда вам надлежит явиться в штабной блок для окончательного оформления документов и получения необходимых назначений.

– Товарищ капитан третьего ранга! – недовольно окрикнул Байкова дежурный лагеря, – для вас этот сброд который называете добровольцами не можете быть товарищами! В лучшем случае – граждане.

В ответ на громкое замечание Байков лишь молча поправил фуражку и направился к столу, за которым старшина и лейтенант продолжали вносить в списки формируемого штрафного батальона фамилии добровольцев.

IV

Некоторое время спустя на внутреннюю территорию пересылки вошли два охранника с овчаркой и, ничего не говоря, направились к шеренге бывших офицеров. Оставшиеся на плацу добровольцы, опустив головы, исподлобья глядели на проходивших вдоль строя охранников. Один, сверкая фиксой, улыбаясь, удерживал на коротком поводке бешено лающую, вырывающуюся из рук овчарку, а второй бесцеремонно и презрительно рассматривал каждого стоявшего в шеренге осужденного. Они дошли до конца строя и остановились напротив полковника. Охранник, прищутив глаза, с презрением осмотрел офицера, пока они не встретились глазами.

– Ну чё, вражина, от нас свалить не получилось? Вместо передовой карцер тебе в самый раз, – сказал надзиратель сквозь зубы.

Полковник, играя желваками, молчал. Его глаза выражали полнейшую отрешенность, обозначив полное презрение к тюремщикам. Не выдержав взгляда полковника, солдат НКВД отвернулся, затем громко скомандовал:

– Руки за спину, ублюдок! В карцер шагом марш!

Стоявшие в шеренге осужденные, бывшие военные, не понимая, кому предназначена эта команда, переглянулись. Каждый присутствующий жаждал поскорее выйти за забор невыносимой пересылки и постараться забыть многолетний кошмар постоянных физических истязаний и морального унижения. Полковник ставшими привычными движениями сложил руки за спину, молча развернулся и, не опуская головы, направился к блоку, где располагались камеры штрафного изолятора.

Молчаливым сочувствующим взглядом проводил полковника и капитан третьего ранга Байков, в голове постоянно свербила мысль: «Жаль полковника, любой офицер может оказаться на его месте, в том числе и я...»

После затянувшейся паузы, проводов особо поднадзорного сидельца стоявшие на плацу зэка, подойдя к столу, без лишних слов, не задерживаясь, называли свою фамилию, номер учета и расходились по баракам для сбора в дорогу своего нехитрого скарба.

Илья, не обращая внимания на крики, вместе со всеми добровольцами, шаркая по земле подошвами сапог, медленно брел к бараку, обдумывая, правильно или нет им принято поспешное решение. За все время многолетних скитаний по зонам он видел разное, но откровенное хамство охранников к действующему высокопоставленному офицеру, хоть и осужденному, привело его мысли в полный ступор. Ничего больше так не раздражало арестанта, как ненавистный лай собак и такое же противное надменное гавканье охраны. От желания скорее покинуть ненавистную пересылку Алёшина не останавливало даже то, что ему оставалось находиться под стражей чуть более полугода.

Вокруг Ильи кружил сосед по нарам урка-балагур по кличке Шпон.

– Да не крутись ты под ногами, мозгами пораскинуть мешаешь, – незлобно ворчал Алёшин. За ними с озабоченным видом, но с высоко поднятой головой брел с виду невзрачный зэка с глубоким шрамом во всю правую щеку и вставными железными зубами молдаванин Суручану по кличке Молдова.

– Грядут большие события, Лютик предлагает обсудить перспективы, – останавливал каждого проходящего мимо новоиспеченного добровольца урка Иван Дунаев по кличке Иваныч.

– Это еще что за растение объявилось? – не останавливаясь, буркнул Алёшин.

– Не растение, а известный вор из Одессы! – воскликнул каэр Дунаев, – истинный законник. У него несколько ходок, первая короткая – за кражу, а за последнюю, разбойную, десятку на Уральских копах чалился. Таких авторитетов на весь Союз по пальцам перечесть.

– Каким ветром к нам-то его задуло? – уже заинтересованно спросил великан и остановился.

– Байку про Лютика уже и я знаю, – опередил Иванныча Шпон, – молва гласит, он пару лет назад на Урале мужиков сгношил, камешки, серебро добывали да золотишко прямо в зоне мыли и там же ныкали. Красноперые прознали, всю артель по разным зонам распихали, а Лютик здесь прибился. Видать про фронт у него мысли какие есть, раз сход созывает!

– Убедили. Если всеми уважаемый авторитет предлагает собраться, как не прийти, но прежде хавка и вещички, – согласился на участие в собрании Илья.

– Полчаса на хавку хватит? – перебил Алёшина Иванныч.

– Шпон, на хавку тебе сколько времени надо? – спросил приятеля Илья.

– Сколь хозяин положил. Но придется давиться, чтобы поспеть, коль сход гоношится, – ответил Егор, глядя на Молдову.

– Чего уставился, меня никто не зовет, – недовольно буркнул зэка Суручану.

– Ты служивый? – спросил Иванныч.

– Еще чего, – оскалил железные зубы Молдова.

– Как знаешь, – недовольно ответил урка, – остальные придут, и каэры с политическими тоже обещают быть.

– Где сход-то, чего молчишь? – спросил Иванныча Шпон, выплевывая изо рта папиросу.

– В хозблоке место забито. У вас есть полчаса, – отозвался Иванныч и тут же обратился к следующей группе бредущих добровольцев.

V

Через полчаса в хозяйственном блоке гудела толпа новоиспеченных защитников, у крайних нар на табурете стоял Лютик, внимательно осматривая каждого входившего в блок. Во второй половине барака за длинными столами уже сидели осужденные, в основном бывшие военные.

– Политических мы када-нибудь дождемся? – не выдержал напряженного ожидания начала схода авторитет Василий Рябов по кличке Рябой.

– Обещали быть! Надо подождать! – откуда-то с краю громко отозвался Иваныч.

По краям двух других столов, ни на кого не обращая внимания, урки перекидывались в карты. Еще несколько минут спустя двери в барак распахнулись, и через порог ввалилась, о чем-то громко споря, первая большая группа осужденных политических – бывших меньшевиков и эсеров. За ними, озираясь по сторонам, степенно вошли бывшие большевики и революционеры.

Политические, даже находясь под стражей, все равно с трудом терпели друг друга и вместе с одинаковым презрением и ненавистью относились к уголовным элементам. Блатные политическим сочувствовали, но не упускали ни единого случая чем-либо уколоть. Урки же постоянно искали возможности одного, другого обобрать, поставить в унижающую достоинство человека зависимость. Бывшие военные хоть и ходили, как и политические, в основном под 58-й статьей, но вели себя более сплоченно и разумно. Сказывалась юношеская братская закалка молодых юнкеров. К ним прибились и казаки с некоторыми раскулаченными крестьянами, которые образовали сплоченную команду. Основную массу ГУЛАГовских зэка составляли неприглашенные на сход осужденные из рабочих и раскулаченных крестьян. Были и другие случайно «залетные», которые трудились в зонах из последних сил добросовестно, пытались не спорить с блатными и полностью исполнять капризы бригадиров и охраны. Молва Алёшина приписывала к таким, однако его живой ум, деловая смекалка и профессия кузнеца поднимали на много выше установленных на зоне неформальных обычаев. Вежливому и заискивающему отношению окружающих способствовали высокий рост и крепкие натренированные мускулы великана, а еще слухи о непреднамеренных убийствах.

– Ну, наконец-то явились, не запыхались, – чертыхаясь и матерясь, прокричал Рябой в адрес пришедших политических. Рябов Василий среди зэка значился мокрушником. Ему ничего не стоило пощекотать пером того или иного несогласного с его мнением сидельца. На одном из сходов пермской зоны он сам себя объявил авторитетом, а кто был не согласен, отправился к праотцам, навеки оставаясь среди затерянного таежного валежника Приуралья. Таких, как Рябой, администрации ГУЛАГовских зон не трогали. Их держали на «коротком поводке» для устрашения заключенных, особенно политических, обеспечивая тепличные условия содержания в виде отдельных хат и послабления режима для помощников.

– Без схода никак, – в голос заговорили последние вошедшие.

– Никак! – отозвался Лютик, – чтобы Родину защищать, нам договориться надо!

– О чем хотите договариваться? И с кем? – поинтересовался кто-то из бывших эсеров, – с этими что ли? – мотнув головой в сторону своих политических оппонентов.

– И с этими тоже, – сказал, как отрезал, воровской авторитет, – вот скажи нам, Рябой, с какой целью ты записался добровольцем? Чего ты хочешь?

– С этапа подорваться! – буркнул авторитет.

– Но там же фронт! Куда бежать? – возразил кто-то из политических.

– Так к немцу и податься. Там тоже люди! – огрызнулся Рябой.

– Ты хочешь Родину предать? – не успокаивался все тот же голос, – нет, чтобы с оружием в руках у себя в стране с властью ненавистной разобраться!

– Я желаю вольницы нормальной! Хватит! Навоевались! Записался в добровольцы, чтобы подорваться, и никто из присутствующих меня не переубедит!

– А я о чем базарю? – перехватил инициативу Лютик, – у каждого из присутствующих здесь свои цели. Поэтому и собрал сход, чтобы скоординироваться. Кто желает поделиться чем полезным, милости прошу высказаться, – закончил авторитет речь.

В помещении поднялся шум. Каждый громко или руганью пытался доказать свою правоту. Собравшиеся галдели несколько минут. Кто-то договорился до того, что всем присутствующим стоит перейти на сторону врага, создать отдельную роту и воевать против Советов. Усевшийся на чьи-то нары, Алёшин тихо дремал, мало обращая внимания на происходящее.

– Илюша, ты чего как неместный? – подсел к нему Шпон.

– Ори, не ори, по-нашему не будет, как я думаю, уже давно все решено, – буркнул Илья, не открывая глаз.

– Скажи хоть что-нибудь!

– Я уже сказал!

– Всем скажи!

– Не суетись! Сядь, посиди и ты, полезней будет, – добродушно закончил разговор Алёшин, прижавшись головой к деревянной стойке нар.

Под продолжающийся шум собравшихся на табурет взобрался седовласый, подтянутый Климов Ефим по прозвищу Михалыч. Бывший прапорщик офицерского корпуса генерала Капеля, призывая к тишине, поднял вверх левую руку, пронизывая взглядом близстоящих добровольцев. Он, как многие каэры, возрастом был чуть за сорок.

– Вот слушаю я вас и удивляюсь! Неужели кто-то и взаправду еще верит в утопию о втором вооруженном перевороте? – разлетелся по бараку бархатный со старческой хрипотцой голос и, не дожидаясь ответа, продолжил: – Кишка тонка! Сколько лет уже прошло? Зона объединила и красных с белыми, и зеленых с черными, и всяких там рябых. Я уверен, что здесь найдется пара добровольцев, в голове составляющих донос Заике! Через час жаждущих очередного восстания местные вертухаи заметут под белы ручки, а еще, чего доброго, по законам военного времени и расстреляют. Вы этого хотите? Надо вести разговор о реально происходящем, по мне лучше уж идти на фронт, чем сидеть на этих треклятых нарах и кормить казенных вшей, – закончил выступление бывший прапорщик Климов Ефим, его чисто выбритые щеки от волнения слегка подрагивали.

– Как же ты власть защищать собираешься, когда супротив воевал? – спросил кто-то из пришедших на сход бывших красных политических.

– Я не власть собираюсь защищать, а Родину. Власть приходит и уходит, а Родина она одна и навсегда.

– А для меня Родина – это свободная вольница-мать! И в каком краю я буду свободный, там для меня и Родина! – громко прорычал седовласый авторитет по кличке Рябой.

Собравшиеся на сход добровольцы были возбуждены ожиданием глотка неожиданной свободы. Эйфория воли летала над головами осужденных, витала в воздухе из угла в угол хозяйственного барака пересыльной тюремной зоны.

– Тихо вы, разгалделись! Выступать будет Политика, его многие здесь присутствующие знают. Он хоть из каэров, но послушать полезно, – приказным тоном воровской авторитет Лютик осадил собравшихся осужденных.

– В армии что важно? – задал вопрос бывший колчаковский поручик Дворников Иван, стоя рядом авторитетом, – правильно мыслите, все, как на зоне, главное, чтобы тебя не замечали, не помнили о тебе все те, кто мог бы трудами своими и заботами праведными навредить здоровью и душевному благополучию.

– Думаешь, в окопах без вшей не обойдется? – спросил кто-то из политических.

– В окопах вошь другая, она своя, более человечная, – тут же огрызнулся Михалыч.

Бурно обсуждая услышанное, собравшиеся вновь дружно зашумели, наконец, из толпы раздался вопрос:

– Как быть тем, кто присягал царю-батюшке?

– Ничего особенного не произойдет, ради дела защиты Отечества придется присягнуть и этой власти, – ответил Политика, – а еще мне представляется, что многие из нас в руках оружия не держали, следовательно, без учебки дело не обойдется. Отсюда следует, что до зимы мы обречены одну баланду хлебать!

– Поэтому установка такая, – встрял Лютик, – никто из бывших военных – красных или белых – все равно не отказывается от предложенных командных должностей, если такое произойдет, и всячески помогает подчиненным – блатной он, политика или просто мужик. Всякие политические терки и недовольную бузу на время этапа на фронт засуньте себе в зад, главное, чтобы все было по понятиям – тихо и без шума. Наша задача дружно добраться и пройти учебку, если она состоится, прожить три боевых месяца фронта. Сход так решил!

– Ты уверен? – раздался голоса из толпы.

– Урки что, тоже воевать будут?

– Они свалят еще по дороге на фронт!

– Какие из воров вояки?!

– Кто со мной на подрыв, записывайся в одно отделение! – пытаюсь перекрыть поднятый шум, воскликнул Рябой.

– Может, потребуется времени больше, поскольку, как я думаю, в зачет должны пойти лишь боевые действия, а когда начнем воевать, пока непонятно, – перебил законника Дворников.

Новоиспеченные добровольцы загудели еще громче, обсуждая услышанную установку.

– Прошу не отвлекаться от главного, – срывая голос, оборвал начало спора Политика, – по всему видно кап-три некуда деться, как собирать вокруг себя всех ранее служивых! Он некоторых из вас просто обязан поставить командирами подразделений.

– Нас всех тут интересует, есть здесь кто из бывших морячков или армейцев в звании выше капитана? – спросил Лютик.

– Какая разница! Думаешь, кап-три в звании восстановит?

– У него кишка тонка, да и не по чину! Вы ж зыркали, как морячок умылся, когда вертухай в красного полковника вцепились, – цокнув языком, зло выругался Рябой.

– На первом этапе нам и младшего унтер-офицерского чина будет достаточно, – удовлетворенно ответил Политика, – главное – не отказываемся.

– Граждане добровольцы, расходимся! Пора на плац за разнарядкой, – произнес кто-то из присутствующих зэка.

– Все! Закругляемся уже! Айда наружу, – поставил точку в сходе Лютик.

VI

Выйдя на плац пересылки, добровольцы увидели всё тот же одиноко стоявший стол, на котором уже лежала груда папок, рядом прямо на земле стояли набитые папками кожаные мешки. За столом переключал дела заключенных тот же морской старшина первой статьи, а рядом стояли два армейских лейтенанта. Новобранцы обратили внимание на отсутствие офицеров НКВД.

– В две шеренги полукругом становись! – громко прокричал один из офицеров подошедшим осужденным.

Сформировав длинный серпообразный строй, молодежавый старший лейтенант представился и представил своего коллегу младшего лейтенанта как командиров второй и третьей роты отдельного четвертого штрафного батальона 52-й резервной дивизии 14-й армии Карельского фронта (ОШБ-4).

– Я буду называть фамилию и место дислокации, – проговорил старший лейтенант, – некоторым из вас Родина доверяет должности сержантского состава, с вас и начнем. Кого распределим в третью роту, становитесь справа от стола в шеренги по четыре ряда.

– Кого во вторую роту – слева, – подхватил слова сослуживца второй офицер.

По шеренгам прокатился шепоток справедливости предположений. В результате полуторачасовой переключки фактически был сформирован младший командный состав двух рот штрафного батальона. Затем началось распределение добровольцев по отделениям, взводам и ротам. Увлеченные раздачей должностей, стоявшие в шеренгах добровольцы не заметили, как к столу подошел командир формируемого батальона Байков:

– Младшим командирам разрешаю к вечерней поверке в свои подразделения отобрать бойцов из числа добровольцев.

– Младший командный состав двух штрафных рот практически сформирован, – доложил командиру один из присутствующих офицеров.

– Уже? Молодцы, быстро справились, списки бойцов уточним вечером, – похвалил подчиненных комбат и тут же добавил: – Доброволец Дворников есть? Прошу выйти из строя и подойти!

Услышав свою фамилию, Политика в ожидании дальнейших действий не спеша подошел к морскому офицеру.

– Иван Петрович? – начал разговор капитан третьего ранга, – я подробно ознакомился с вашим личным делом. В прошлом вы потомственный боевой офицер, ваши и отец, и дед служили царю-батюшке, скажите откровенно, вы действительно собираетесь присягнуть власти, против которой когда-то воевали?

– Я присягаю не власти, а отечеству. Не к чести боевому офицеру отсиживаться в тылу, особенно, когда враг во дворе.

– Но для вас прежде и ныне действующая власть была врагом!

– Мое дело военное, а правое оно или нет, это судить не мне. Власти приходят и уходят, одни политики сменяют других, а отечество остается. Сегодня оно в опасности и нуждается в защите. Собственно, чем я занимался прежде и собираюсь исполнять теперь.

– Вы один так думаете или вас таких много?

– Нет, конечно. Полагаю, у моих знакомых, бывших служак белого движения, такое же мнение.

– Как знаете. Мне кажется, нам всем повезло, уверен, еще послужим. В батальоне пока отсутствует постоянный заместитель командира по тылу. У временного помощника работы непечатый край. На время транспортировки добровольцев к фронту надо ему оказать содей-

ствие, в связи с чем есть предложение назначить вас руководителем хозяйственной команды. Как вы к этому назначению отнесетесь? Справитесь?

– Спасибо за доверие. Отнесусь положительно, от служения Родине я никогда не отлынивал. Надеюсь, и с вашим поручением справлюсь.

– Вот и ладно. Значит, порешили! Подберите себе из сформированных рот крепких, добросовестных ребят, примерно человек десять. Список желающих работать с вами передайте мне сегодня до отбоя. Утром получите распоряжение по батальону, – подытожил разговор комбат и обратился к стоявшим вновь назначенным младшим офицерам: – В подразделения, командирами которых вы призваны, записывайте всех, кого пожелаете из числа добровольцев. Более точно личный состав распределим в равных пропорциях – и уголовников, и политических, и беспартийных по пути следования на базу.

– Про мужиков забыли, – раздалось из шеренг.

– Куда без них, – поддержали голоса.

– Раз просят, значит, включайте в распределительные списки и мужиков, – закончил разговор Байков, улыбаясь.

– Граждане добровольцы, расходимся до вечерней поверки. Здесь за столом сегодня обязательно кто-нибудь будет находиться, сюда и списки добровольной комплектации следует доставить.

– А если дождь?

– Когда вам дождь или снег помехой был? Дежурному штабного барака передадите.

Со второй половины дня до самого ужина пересылка больше напоминала активный муравейник. Добровольцам из числа осужденных не запрещалось свободно ходить по территории пересыльной зоны, из барака в барак, собираться группами, переносить какие-то вещи. В воздухе витал пьянящий головы осужденных дух свободы. После ужина, во время вечерней поверки, было произведено предварительное формирование рядового переменного состава отделений, взводов двух рот четвертого отдельного штрафного батальона.

VII

В четыре часа утра следующего дня завывла лагерная сирена, призывающая добровольцев к построению с вещами. На плацу в полумраке прожекторов пересылки их ожидали конвоиры с собаками. Осужденные были выстроены по сформированным отделениям, взводам и ротам в шеренги по четыре ряда. Рядом с командиром батальона напротив строя стояли ранее отсутствующие офицеры – заместитель начальника особого отдела Карельского фронта – майор внутренней службы Терещенко Ефим Григорьевич и заместитель командира батальона по политической части Виноградченко Потап Акимович.

После утренней поверки раздалась новая команда:

– Добровольцы, полукругом в шеренгу по двое становись!

Ряды более восьмисот новобранцев зашевелились и начали движение вперед – кто с вещмешками через плечо, кто с чемоданами в руках. После дополнительной многократной переклички и тщательного обыска каждого призывника, которым являлся откровенный шмон вещмешков и чемоданов, разношерстная команда очутилась за воротами лагеря в полном распоряжении до зубов вооруженного конвоя с собаками в придачу.

Напуганные предутренней суетой и шумом служебные собаки заливались непрерывным лаем. За воротами полулагеря, полутюрьмы добровольцы слышали новую команду, теперь уже старшего конвоира:

– Разобраться в шеренги по пять!

Осужденные не прятали и не маскировали свое возбуждение. Предвкушая скорую свободу, никто из этапиремых новоиспеченных бойцов переменного состава и не собирался сиюминутно подчиняться приказу. Политические вызывающе улыбались, урки, выбрасывая в адрес охраны разные издевки, откровенно смеялись. Минуту спустя над головами пронеслась скороговорка начальника конвоя:

– Не успели выйти за ворота, сразу порядок забыли, сволочи, конвой шутить не любит!

После чего он молниеносно вскинул автомат, направил в сторону добровольцев и дал длинную очередь. Пули засвистели над головами напуганных людей да так низко, что строй невольно повалился на землю:

– Встать, суки драные, шаг в сторону считается побегом, конвой стреляет без предупреждения!

Призывники-добровольцы поняли, что до свободы шагать далеко, а смерть, как и прежде, носится рядом. Сломав сформированный по воинским подразделениям строй, они быстро разобрались в пятерки. Уже засветло почти бегом колонна добралась до станции. В далеком станционном тупике Котласа стоял железнодорожный состав из трех пассажирских вагонов, нескольких десятков вагонов-теплушек, двух специализированных: зак-вагона и почтово-багажного.

– Всем сесть! Шмотье перед собой! Руки за спину! – пролетело новое распоряжение начальника конвоя по прибытии колонны к железнодорожной насыпи.

Добровольцы беспрекословно исполнили команду, присели на корточки, выставив вперед свои пожитки, привычно уложив руки за спину, застыли в ожидании дальнейших команд. Уже никто не улыбался и не смеялся, каждый думал о том, что ничего не меняется, что зря добровольно подписался на верную смерть, что статус призывника-добровольца никак не повлиял на его безысходную дальнейшую судьбу.

Между вагонами и на корточках сидящими штрафниками остановились две телеги, нагруженные большими кожаными мешками. Шедшие позади прибывших с пересылки повозок моряки принялись распаковывать мешки, вынимая из них папки с личными делами заклю-

ченных. Вперед вышел все тот же комбат Байков в сопровождении майора внутренней службы Терещенко и громко крикнул:

– Мы будем называть номер вагона по порядку и фамилии в соответствии с номером команды. Ваша задача переместиться к указанному вагону и ждать дальнейших распоряжений.

Вначале прозвучали фамилии бывших кадровых военных, назначенных младшими командирами. Минуту спустя после того, как они встали у названных вагонов, по округе эхом понеслись фамилии других осужденных. Услышав свою фамилию, каждый доброволец громко отвечал: «Здесь!», резко вставал, подхватывал пожитки и бежал к указанному вагону.

VIII

Через полчаса переклички продолжали сидеть всего десять человек добровольцев, среди них и Алёшин Илья Степанович.

– Оставшиеся призывники, подойдите ко мне, – крикнул капитан третьего ранга. Дождавшись, когда подойдут все, он уже тихо по-деловому объявил: – На время передислокации батальона вы, ребята, зачислены в хозяйственную команду. Старшим назначен Дворников Иван Петрович. Прошу любить и жаловать. Ваша задача разносить по эшелону дрова, воду, провизию и всякое другое. Место вам приготовлено в почтово-багажном вагоне.

Неожиданно для всех из-за спины Алёшина вдруг кто-то пробасил:

– Гражданин начальник!

– Во-первых, не гражданин, а товарищ, во-вторых, не начальник, а капитан третьего ранга, уяснили?!

– Гражданин товарищ начальник капитан ранга, хочу спросить, – не успокаивался голос.

– Спрашивайте!

– Мы катимся под вертухаями?

– Кого вы имеете в виду?

– Вон те холены, красны рожи, с шавками, – ответил доброволец, выглядывая из-за спины Ильи, протягивая руку в сторону стоявших в оцеплении состава полукругом сотрудников НКВД с овчарками на поводках.

– Для животных и сопровождающей охраны отведено место во втором штабном вагоне.

– А клетки нам? – басил все тот же любопытный.

– Какие клетки? Вы о чем? – не понял вопроса офицер.

– Впереди с решетками зак-вагон стоит! В нем меня сюда приперли.

– По законам военного времени в составе эшелона такой вагон необходим!

– С врагом и предателем по законам военного времени обычно не цацкаются, а шлепают на месте, – якобы себе под нос, но достаточно громко пробубнил уже другой новобранец.

– Я этого не слышал. Никто никого шлепать, как тут некоторые выразились, не собирается, а для порядка надо бы. Наша задача доехать в расположение части живыми, здоровыми и невредимыми. Вагон взвода охраны прицеплен в голове состава, следом за штабным. Ваш вагон в конце состава. Ни для кого из добровольцев конвоиров нет. Взвод охраны НКВД прикомандирован для защиты и обеспечения порядка в пути следования. Проходите в свой вагон и располагайтесь.

Штрафники временной хозяйственной команды военного эшелона побрели к указанному вагону вдоль теплушек, заглядывая в каждую открытую створку ворот. Пока шла погрузка добровольцев, перед паровозом и в конце состава железнодорожники прицепили по одной открытой платформе с зенитными установками из четырех спаренных пулеметов «Максим». На открытой площадке в конце эшелона в дополнение к зенитной установке была закреплена и полевая кухня, вокруг которой крутились истопник и повар. Следом за паровозом стояли купейный штабной, два плацкартных и зак-вагон. Одно из четырех купе штабного вагона было отдано сопровождающему эшелон военврачу. В двух других разместились комбат и майор НКВД. В помещении рядом с просторным кабинетом комбата разместились кадровик и писарь.

Первый плацкартный был отдан прикомандированным морякам, прибывшим за пополнением офицерам постоянного состава и служащим медицинской службы. Во втором, плацкартном, расположился взвод охраны НКВД с собаками. В конце эшелона перед открытой платформой стоял почтово-багажный вагон. Внутри размещался большой продуктовый склад и четыре четырехместных купе.

Призывников переменного состава разместили в старых двухосных теплушках примерно по 60 человек в каждой. Откатные ворота были вмонтированы в середину с каждой стороны обшитого деревом вагона. Это средство доставки новобранцев в длину было около 6,5 метра и 3 метра в ширину с тонкими дощатыми стенками и такой же деревянной крышей. Неохраняемый зак-вагон предоставили дюжине женщин из числа осужденных, изъявивших желание добровольно пойти на фронт санитарками переменного состава. За время в пути им предстояло освоить нехитрые премудрости санитарных дел, в том числе оказание первой помощи раненым и больным.

IX

Направляясь в указанный комбатом хозяйственный вагон, Алёшин шагнул к стоявшей напротив телеги с документами теплушке и заглянул внутрь. Слева и справа от дверных створок виднелись наспех сколоченные из неструганного горбыля трехъярусные плоские настилы, где и размещались добровольцы. На нижних ярусах вагона уже залегли блатные, рядом пристроились урки. На вторых ярусах настилов укладывались политические. А все остальные, кому не достались места внизу, копошась, уплотнялись на третьих ярусах. В центре вагона пытела жаром с мелодичным потрескиванием дров круглая чугунная печь, в народе прозванная «буржуйкой». Дымовая труба от печи выходила в боковое зарешеченное отверстие рядом с плотно закрытой противоположной боковой стенкой вагона. Около печки лежали приготовленные дрова, на зеленом ящике из-под снарядов стояла фляга с водой. «Когда успели буржуйку растопить? – про себя хмыкнул Илья, глядя на стоявшее под трубой ведро, – и параша на месте».

– Ну чего стоим? Залазь, закрывать пора, – услышал Алёшин за спиной командный голос и обернулся. Перед ним стоял невысокого роста краснощекий круглолицый солдат в форме рядового НКВД с автоматом на изготовке.

– Я причислен к хозкоманде и поеду в другом вагоне, – огрызнулся Илья, проглатывая подступивший к горлу рвотный комок, чуть ли не срыгивая на ненавистного охранника.

– Тогда кати задвижку, – прорычал все тот же властный голос.

– Какую? – не понял Алёшин.

– Чего тут непонятного – ворота закрывай, – переходя на визг, крикнул солдат охраны, передергивая затвор автомата.

Илья молча схватился за створку и резко дернул. Ворота легко поддались, но до конца не закрылись. Сверху на Алёшина, опершись на деревянную поперечину, улыбаясь, смотрел Лютик. Его нога в натертом до блеска хромовом сапоге удерживала створку ворот.

– Ты, брат, чего? Нас – добровольцев Красной армии закупорить решил? – раздраженным голосом остановил Илью вор.

– Приказано закрыть ворота, – опередил великана рядовой НКВД, помахивая стволом автомата по направлению сапога. Из-за спины воровского авторитета в оставшуюся открытой щель полетели отборные маты урок.

Авторитет усмехнулся той кривой ухмылкой, которая появлялась на лице, когда он демонстративно насмехался над кем-нибудь или начинал откровенно издеваться.

– Лютик, не бузи. Бесполезно. Своих шавок придержи, – начал было убеждать законника Алёшин.

– Вы еще присягу не приняли, чтобы Красной армией прикрываться, – перебил великана боец НКВД.

– Лютик, дай закрыть, не доводи до греха. На первой же остановке сам приду, открою, зуб даю, – выждав паузу, миролюбиво улыбнулся Илья.

– И хавку доставишь? Смотри мне! Ты знаешь! У нас за базар ответ держат, – демонстративно игнорируя приказы охранника, буркнул вор, убирая сапог.

Алёшин до конца докатил створку ворот, солдат НКВД зафиксировал задвижку и направился в голову состава, а Илья, тихо чертыхаясь, зашагал к своему вагону в конец эшелона.

Остальные теплушки со штрафниками под дружные маты закрывали сами солдаты взвода охраны НКВД. Никто из добровольцев больше не сопротивлялся, молчал и Рябой. Души новобранцев наполняло постоянно преследуемое на зоне ощущение смиренного согласия со всем происходящим здесь и сейчас, главное, чтобы тебя не замечали.

Хозяйственный вагон состоял из одного двухместного купе, в котором расположился седовласый проводник. В трех четырехместных разместились все десять человек хозяйственного отделения. Две третьих площади вагона занимало большое помещение с металлическими стеллажами вдоль стен, которые были заставлены коробками и ящиками с продуктами, различной кухонной утварью. В центре вагона стояли большие деревянные бочки с квашеной капустой, огурцами, соленой рыбой, в двух бочках были сложены буханки свежесдобитого хлеба, а еще две были под крышки набиты сухарями. У входа в помещение продовольственного склада дремал часовой моряк. Во время движения эшелона добровольцы хозяйственного отделения под руководством заместителя начальника штаба батальона по хозяйству лейтенанта Васильева Афанасия Петровича готовили пайки для добровольцев и складывали на носилки.

Плотно закрытые откатные ворота вагонов с призывниками переменного состава охране эшелона было разрешено открывать лишь на остановках для раздачи добровольцам воды и пищи. Во время длительных стоянок и коротких остановок обитатели хозяйственного вагона бегом разносили по составу дрова, воду, раздавали хлеб, термосы с горячей едой и консервы, принимали парашу, а солдаты НКВД зорко следили за тем, чтобы штрафники не выпрыгивали из вагонов и не разбежались.

Х

В одной из теплушек, сформированной из третьей роты штрафного батальона, катили Лютик и Рябой. Оба авторитета, сидя на нижнем ярусе нар, активно жестикулируя, о чем-то тихо беседовали. Урки, усевшись по сторонам, играли в карты. Политическим достались места на третьей верхней полке. Они громко спорили:

– До той поры, пока существует возможность обогащения одного за счет других, будет процветать предательство, стукачество, повсеместная ложь! – в голос убеждали бывшие красные.

– А как вам расстрел за недонесения, это разве не предвестник возможной эксплуатации? – возражали бывшие меньшевики и эсеры.

– Показуха патриотизма куда вреднее обыкновенной лжи, – доказывали свою правоту бывшие белые.

Политические прыгивали с верхних нар вниз лишь по особой нужде или на прогулку, когда поезд останавливался и открывались ворота.

– Тихо вы там! Раскудахтались! – периодически одергивали спорящих присутствующие, когда разговоры политических переходили в крики или откровенные угрозы.

– И досталась же нам компашка разномастной твари, – каждый раз ворчал Рябой, глядя наверх, – от мужиков хоть польза какая есть, а эти лишь болтать горазды.

– Эсеры слева, красные справа, – поддержал недовольство приятеля Лютик, – вроде интеллигенция, а лаются, как задрипанные дворовые псы.

– Может, пусть шумят. Вагон под нарами в одну доску, под шумок дыру проковырять, как неча делать, – подсел к авторитетам один из урок.

– Ты чё, Хвощ, воровских законов не чтить? А еще в авторитеты рвешься?! Сход решил с этапа не рвать, так тому и быть, – зло огрызнулся Лютик.

– Паря, потерпи чуток, подорвем, как масть покатит, – Рябой попытался одернуть урку от непродуманного поступка.

Поезд все мчал и мчал, особо ускоряясь ночью, иногда в светлое время останавливаясь на глухих полустанках. Позаимствовав полущубки у моряков, лейтенант оставлял по два бойца охраны НКВД лишь на открытых платформах. Остальные бойцы вставали в сцепление состава на остановках и длительных стоянках эшелона.

Одно купе хозяйственного вагона использовалось как рабочий кабинет, а в трёх других расположился весь состав хозяйственного подразделения. Илье досталась нижняя полка. Он постоянно ложился головой к окну, а ногами упирался в перегородку, либо поджимал их к животу. Временно назначенный командир Дворников Иван, по прозвищу Политика, расположился в двухместном купе проводника. Заместителю командира батальона по хозяйственной части было отведено место в офицерском вагоне, однако он постоянно находился в складском помещении.

– Отхватил летёха житухи!

– Не обожрался бы? – язвительно шутили добровольцы.

Примерно два раза в сутки добровольцев переменного состава выпускали подышать свежим воздухом, что занимало около 10 минут на каждый вагон. За это время бойцы хозяйственного отделения успевали произвести уборку, принести дров, свежую воду, разложить пайки и освободить парашу.

Глава 2

Невольная воля

I

Как только состав на всех порах проехал станцию Сорокская, многим добровольцам стало понятно, что они едут далеко на Север. Вот уже несколько суток в вагонах было тихо. Кто-то из добровольцев радовался тому, что выбрался из клещей ГУЛАГа, а кто-то наоборот грустил перед ощущением неизвестности, потеряв привычную среду обитания, подневольной зоны. Те, кто уже работал в этих местах, на лесозаготовках или на канале, в голос заговорили о возможном месте назначения.

После станции Кузема стали чаще появляться и самолеты люфтваффе. Некоторые пролетали мимо состава, пронося смертоносный груз куда-то на юго-восток. Однако не обходилось и без особо ретивых пилотов. Они, заметив дым паровоза, старательно тянущего эшелон, пытались непременно его нагнать и посмотреть, после чего, сделав круг, нападали. В основном это походило на маленькие развлекающие пилотов шалости, поскольку у них были другие задания на полеты. Но однажды ранним утром, когда ночь уже уходила, а солнце еще не поднялось, в небе появились две летящих точки. Навстречу поезду неслись «вольные стрелки люфтваффе», у которых отсутствовало конкретное задание. Им было важно найти и уничтожить любую обнаруженную цель.

Обратив внимание на низко летящие самолеты, машинист по пояс вылез из открытого окна паровозной будки, чтобы попытаться разглядеть опознавательные знаки. Увидев сверкающую черной краской свастику на крыльях, он громко крикнул своему помощнику и кочегару:

– Крепче держись! Похоже по наши души!

После чего с силой отжал ручку паровозного гудка и поставил рычаг скорости в положение «максимальный». Протяжный звук паровоза, сотрясая прохладный от туманов окружающий утренний воздух, разбудил всех пассажиров. Ничего не понимая, добровольцы пытались посмотреть в небольшие окна теплушек. Разбуженные шумом моряки-пулеметчики мгновенно расчихали зенитные установки и приготовились к отражению налета.

Самолеты, облетев эшелон с головы до хвоста, развернулись, сделав круг, обогнали состав и с выматывающим людям нервы воем пошли в атаку. Откуда-то сверху, заглушая стук колес, добровольцам слышался пронзительный вой. При первом налете один из самолётов сбросил бомбы на железнодорожный путь прямо перед паровозом. Оглушительный взрыв впереди состава оборвал пронзительный гудок. Паровоз застонал скрипучими тормозами да так, что многие пассажиры, не только вагонов, но и теплушек, оказались на полу. Состав, громко скрежеща металлом, медленно дополз до развороченного взрывом железнодорожного полотна и остановился. Грохот перестука колес пропал. От некогда дребезжащего железа перестало стрелять в зубы. На месте разрыва бомб образовалась огромная воронка, а рельсы превратились в изогнутые петли, шпалы – в деревянные трухлявые колья.

II

Разбуженный паровозным призывом со своего места подскочил и командир батальона. Влетев в брюки, на ходу накинув бушлат, он побежал к выходу.

– Патроны есть? – спросил капитан третьего ранга стоявшего в тамбуре часового, выхватывая из рук матроса винтовку.

– Есть, – только успел ответить часовой, как произошел сильный толчок. Ударившись головой об открытую дверь тамбура, матрос упал, но привыкший к морской качке Байков продолжать стоять, передергивая затвор.

– Всем срочно покинуть купе! Под вагоном безопаснее, – крикнул комбат в коридор, по-молодецки лихо спрыгнул из тамбура на землю, по насыпи кубарем скатился вниз и принялся стрелять по летящим целям. С платформ эшелона, отражая налет, ритмично застучали пулеметы. Никто из офицеров и других вольнонаемных пассажиров штабного вагона в лес не побежал, все успели спрыгнуть на землю и залечь под вагонами. Комбат же остался стоять у насыпи, всматриваясь в небо, ожидая повторения воздушной атаки. Вольные охотники люфтваффе не заставили себя долго ждать. Развернувшись, они вновь понеслись на пыхающую дымом и паром огромную мишень, разбрасывая вдоль состава смертоносный груз. Две длинные цепочки параллельно бегущих султанчиков одна за другой стремительно рассыпались по насыпи и шпалам. Иногда эти цепочки захлестывали вагоны, разрывая металл обшивки и разнося в мелкие щепки крыши теплушек.

Вдзиль, вдзиль стучали пули и осколки разрывающихся бомб по железной обшивке вагонов. Хры, хры устало отвечали пробитые деревянные перекрытия теплушек, а-а-а кричали раненые добровольцы внутри вагонов скорее от страха и безысходного отчаяния, чем от боли разорванных мышц. Во время первого налета бойцы переменного состава с отборной бранью колотили в наглухо закрытые ворота теплушек, но их уже никто не слышал. Под вой пикирующих самолетов бойцы взвода охраны НКВД, дружно покинув свой вагон, залегли по кустам с обеих сторон железнодорожного полотна.

В ворота теплушки, громко матерясь и взывая к красноперым, ко всем чертям, бесам, усиленно колотили ногами и добровольцы вагона, в котором ехали авторитеты.

Монотонный рев стервятников, громкий треск спаренных пулеметов, взрывы бомб, взмещающие вверх черные с зелеными плешками груды земли, и низко над землей летающие деревья представлялось для пассажиров эшелона стихийным бедствием. А устойчивый въедливый запах гари и передавал ощущение восшествия в нереальный ад.

III

Затихший душераздирающий вой разворачивающихся самолетов, умолкшие разрывы бомб и град звенящих пуль призывали людей к немедленным и неотложным действиям. Игнорируя установленные запреты командира взвода охраны НКВД, Политика приказал бойцам хозяйственной команды срочно открыть ворота теплушек. В минуты затишья единственно свободные новобранцы хозяйственного формирования батальона принялись сбивать засовы и откатывать ворота с обеих сторон состава.

Алёшин, как и обещал, напрямик побежал к теплушке, в которой ехал Лютик, откатил створку ворот и громко крикнул:

– Всем под вагон, Политика велел!

– А раненым? – раздалось из темноты.

– Раненым – тем более! – не задумываясь, ответил Илья.

Лютик прыгнул первым, за ним Рябой, оба нырнули под вагон и залегли между шпал, к ним присоединились и другие соседи по вагону. Они, скрипя зубами, наблюдали, как из распахнутых настежь соседних скотовозов с грохотом и руганью добровольцы сыпались в разные стороны от состава. Обезумив от страха и отчаяния, не обращая внимания на непредвиденную опасность, люди неслись в лес навстречу вооруженным до зубов охранникам.

– По дезертирам – огонь! – вдруг громким эхом разнеслось по цепи залегших солдат НКВД. На приказ начальника сопровождающей эшелон охраны никто из бежавших в лес штрафников не обратил внимания, пока не раздались первые короткие автоматные очереди на поражение. От ужаса накотившей беды у добровольцев похолодели тела, сковывая ноги и руки. Повторные разрывы бомб, нескончаемый громкий треск зенитных пулеметов за спиной и хлопки автоматных выстрелов впереди окончательно вогнали людей в панику. Новобранцы, не понимая, что происходит, и, не зная, что при этом следует делать, метались от эшелона к лесу и обратно или падали рядом с насыпью железнодорожного пути, закрывая головы руками и трясясь скорее от собственного бессилия, чем от страха. Открыв теплушки, подчиненные Дворникова по его же команде залегли под вагоны, где их застал очередной налет. К ним начали заползать и другие обреченные на смерть, но не потерявшие разума мужчины.

Все время многократных заходов жаждущих крови стервятников с начала и конца состава из всех стволов продолжали грохотать зенитные пулеметы. Один из низколетящих самолетов, получив пробоину, загорелся, протянул несколько метров, вдруг задрал хвост, прощально взревев, упал на железнодорожный путь, уткнувшись носом в насыпь. Взрываясь, выкинул клоч черного облака, окончательно отрезав эшелону возможность отхода. Израсходовав весь боезапас на расстрел практически безоружных добровольцев, второй самолет убрался восвояси.

В наступившей тишине из придорожных кустов поднялись бойцы НКВД. Убедившись, что самолет больше не вернется, они осмотрелись по сторонам и направились вдоль состава поднимать в вагоны живых, среди разбросанных на холодной примятой траве грязных, худых, босых, полураздетых неподвижных добровольцев отыскивать раненых и считать убитых. Три воина из взвода охраны по указанию своего начальника направились к взорвавшемуся самолету. Медработники вместе с санитарками из переменного состава бегали от паровоза к концу эшелона, осматривая лежащих на земле и на откосах железнодорожного полотна штрафников, перевязывали легкораненых, переносили тяжелораненых ближе к вагону, в котором ехали сами, укладывая изрешеченных осколками и пулями добровольцев на застеленную брезентом землю.

Лютик и Рябой продолжали лежать под вагоном, обдумывая варианты возможного побега. Рядом в ожидании решения лежали урки. Политические сразу же после затишья пере-

брались в вагон и принялись бурно, сопровождая громкой бранью, обсуждать последствия налета.

– Бедолаги, не успокоятся же? – ворчал Рябой.

– Чего ты хочешь? На жизнь обиженные горе-вояки ноют! Не им, политическим, лавры победителей достались! – отреагировал Лютик, – ну что, рвем?

– Видать не время! Ты посмотри, скольких наших вертухаи положили! Надо чуток обождать!

– Тогда давай переползай в скотовоз, там хоть матрасы есть, и олухам политическим рты заткнем, – подвел итог обсуждению Лютик и полез из-под вагона.

Демонстративно отряхнув одежду, он запрыгнул в теплушку. За ним повыскакивали урки. Крики политических мгновенно прекратились, все принялись наблюдать, чем займется авторитет. А он, держась за перекладину, спокойно подал руку Рябому, помогая залезть в вагон. Санитары-мужчины подбирали на носилки лежащих вдоль состава убитых и укладывали недалеко от локомотива с левой стороны эшелона рядом с железнодорожной насыпью.

IV

Удовлетворенно хмыкнув в сторону сбитого догорающего самолета, комбат подошел к тамбуру, где, обхватив руками голову, продолжал лежать часовой.

– Боец, вы живы?

– Так точно, жив, голову немного больно.

– Надеюсь, не женаты?

– Никак нет, не женат, – постарался как можно веселее ответить матрос.

– Тогда до свадьбы заживет. Забирайте свою пукалку, доложите боцману о травме и быстро к военврачу, пусть посмотрит.

Офицеры батальона, выбравшись из-под вагона, как ни в чем не бывало, отряхнув форму, прошли осматривать состав. Подойдя к огромной воронке впереди первой платформы, сгрудились у развороченного взрывом железнодорожного пути. Каждый из присутствующих принялся выражать свое мнение.

– Вот тебе, бабушка, и Юрьев день, – улыбаясь, вспомнил старую присказку командир второй роты старший лейтенант Ефим Янин.

– Называется – приехали! – поддержал коллегу командир третьей роты младший лейтенант Родион Осапенко.

– Чему радуемся? – раздраженно спросил офицеров майор НКВД и тут же продолжил: – Поздравляю, путь взорван. Поезд дальше не пойдет. Стало быть, график доставки добровольцев к месту назначения сорван. Кто за это ответит? – не скрывая своей озабоченности, громко хлопая себя по коленям, чуть ли не кричал сопровождающий эшелон заместитель начальника особого отдела 14-й армии Карельского фронта Ермаченко.

– Вам бы только виновных искать, – подходя к подчиненным, буркнул командир штрафбата капитан третьего ранга Байков и, не дожидаясь реплик присутствующих, продолжил: – Тем, на минуточку, кто забыл, напомним – это война, товарищи!

Затем, повернувшись к ротным командирам, добавил: – Не рассуждать надо, а срочно обеспечить проверку технической исправности материальной части паровоза, вагонов, ну и путь восстанавливать самим придется.

– Запчасти, шпалы и рельсы с неба что ли прилетят? – не успокаивался майор Ермаченко.

– Да хотя бы и с неба, – теперь уже усмехнулся комбат, прикидывая в голове, сколько понадобится сил и средств для возобновления движения эшелона.

– Машиниста видел. Никто из паровозной бригады не пострадал, у техники повреждения будто незначительные. Водный резервуар паровоза вроде пробит, но машинист с помощником и кочегаром в голос заявили, что с ремонтом локомотива справятся сами, – сообщил Байкову командир третьей роты Осапенко.

– Вы, товарищ старший лейтенант, – выслушав подчиненного, обратился комбат к своему замполиту Виноградченко, – берите пару охранников и бегом до ближайшего полустанка или разъезда. Что там впереди? Наверняка найдете все необходимое для ремонта путей. Думаю, у них связь налажена, передайте шифровку в штаб. Спросите у машиниста – сколько и каких запчастей ему необходимо для ремонта паровоза. Пока мы займемся восстановлением насыпи. В хозяйственной команде эшелона кое-какой шансовый инструмент припасен.

– Разрешите мне ваших моряков взять, – обратился политрук к Байкову.

– Потап Акимович, берите бойцов НКВД. Они тут дел уже наворотили, нам расхлебывать долго придется, а вам, глядишь, могут, сгодиться. Если что, одним своим форменным видом на всех местных страху нагонят.

– Товарищ капитан третьего ранга, разрешите обратиться к майору внутренней службы Терещенко? – спросил запыхавшийся от бега командир взвода охраны эшелона.

– Докладывайте, – пожал плечами комбат. Командир взвода охраны строго по форме, чеканя каждое слово, громко доложил майору НКВД об оперативных действиях его подчиненных и принятых мерах, а также сообщил о безвозвратных потерях этапировавшихся 72-х добровольцев.

– Имена убитых установлены? – нарочито громко спросил майор скорее для стоявших у воронки офицеров.

– Так точно, устанавливаем, а что с ними делать? Куда грузить?

– Не грузить, а хоронить! Неужели мы покойников на передовую повезем? Там своих убитых некуда девать! – произвольно вырвалось у кого-то из присутствующих командиров.

– Ну почему же? Можем покойных везти, но в вагоне с теми сучьими инициаторами кровавого побоища, – успел вставить свою реплику и комбат Байков.

– Хороним здесь в братской могиле. Составите докладную записку на мое имя с перечнем погибших, – выслушав сообщение офицера НКВД и реплики присутствующих, ответил майор Терещенко.

– Еще раз надо скрупулезно перепроверить фамилии всех погибших, – предложил Байков. – Ефим Григорьевич, лично займитесь. Убитых хороним здесь в братской могиле как испивших свою вину бойцов. Прошу, нет – поручаю на погибших подготовить похоронные свидетельства как павших на поле боя. И еще, пока стоим, вагоны с добровольцами не закрывать.

– Как же открытыми? Сволочи уголовные, разбегутся же, – недоуменно остановил Байкова лейтенант внутренней службы НКВД, командир взвода охраны.

– Бойтесь? Выставите охранение, – мгновенно отреагировал командир батальона. – Я воочию наблюдал, как ваши архаровцы от самолетов проворно убегали и по спасающимся от бомб безоружным бойцам переменного состава метко хлестали.

– Я бы вас попросил! Кто за это ответит! – не найдя что сказать, повысил голос на капитана третьего ранга лейтенант внутренней службы НКВД.

– Кто дал команду стрелять по безоружным добровольцам, тот и ответит! А пока исполняйте мое распоряжение. Если надо будет и без вас есть кому крайних искать, да, чуть не забыл, срочно выделите четырех человек в подчинение Виноградченко. За отказ исполнять указание начальника литерного эшелона ответите головой, – оборвал командир штрафбата окрик офицера.

Ни на кого больше не обращая внимания, Байков пошел прочь от развороченного бомбежкой железнодорожного пути.

V

– Александр Иванович, а что с ранеными делать? Где тяжелых разместить? Где оперировать? В теплушках их держать нельзя, операционной нет! – бежала навстречу комбату военврач Пастухова.

– Анастасия Павловна, не переживайте так, что-нибудь придумаем, – пытаюсь добродушно улыбаться, принялся успокаивать женщину комбат, – первая помощь раненым оказана?

– Всем, – утвердительно кивнула головой военврач. – Но много тяжелых, есть и с пулевыми. Осколочных тоже хватает. Раненые на земле лежат, чего доброго застудятся.

– Всё необходимое для проведения операций с собой?

– Инструмент в наличии, помещение для операционной отсутствует, оперировать нигде! – снова воскликнула военврач.

– Волноваться не надо! Лица на вас нет! Сейчас все организуем. Идите, спокойно готовьтесь оперировать раненых.

Около штабного вагона в ожидании комбата с ноги на ногу переминался Дворников и еще на расстоянии начал доклад:

– В моем подразделении погибших и раненых нет, какие будут указания?

– Все здоровы? Это хорошо, даже отлично! Указания для ваших, конечно, будут, как им не быть, когда такое случилось. Половину своей команды направьте в распоряжение военврача, пусть займутся переоборудованием пустого зак-вагона в санитарный. Всё какая-никакая от него польза. Надо медикам срочно оказать содействие по обустройству операционной в этом вагоне. Вы сами посмотрите, чем можем помочь и что у нас для этого есть. Остальных отправьте в похоронную команду в подчинение майора НКВД. Для погибших придется копать братскую могилу. Майор место покажет. Своих бойцов обеспечьте шансовым инструментом. Он лежит на первой платформе. Там и тачки должны быть. Краснофлотцам скажите, что я распорядился. Для них слова моего достаточно. Да еще, пусть ваши орлы узнают, каким теплушкам необходим ремонт и какими средствами. Держите меня в курсе. С офицерами постоянного состава, и особенно с чужими охранниками, не пререкайтесь, если возникнет какое недоразумение, сразу ко мне.

– Сделаем, – по-армейски утвердительно ответил Политика и побежал к своему вагону, где его ожидали подчиненные.

– Комбат велел половину из вас направить на рытье братской могилы, а оставшиеся пойдут в распоряжение начальника медицинской службы. Добровольцы есть? Добровольцев нет, будем назначать или потянем жребий?

– Давай жребий, все же честнее будет, кому как повезет, – дружными возгласами поддержали идею временного начальника бойцы хозяйственной команды эшелона.

– Все одно обманет, – не удержался от реплики один из присутствующих добровольцев, но под пристальными взглядами товарищей осекся.

– Вам, как главному сомневающемуся, и водить, – улыбаясь, произнес Дворников, доставая спички.

По жребию Илье досталось обустройство медсанчасти.

– Ну хоть что-то, может, кого из сестреночек пару раз и по заднице хлопну, – довольный собой добродушно хмыкнул Алёшин, следуя за тремя везунчиками к военврачу.

VI

После совместного с Анастасией Павловной осмотра зак-вагона было принято коллективное решение из караульного купе сделать хирургический отсек, а из зарешеченных камер – госпитальные палаты. У первой платформы своих подчиненных уже ждал Политика. Получив у моряков необходимый инструмент, в караульном купе зак-вагона штрафники быстро демонтировали лежаки. Из верхней багажной полки в центре отсека соорудили стол. Фонарь, которым поделился машинист поезда, подвесили к потолку над столом и подключили его к запасному аккумулятору.

Военврач Анастасия Павловна велела в соседнем вагоне взять две фляги из-под молока и попросила принести воду из ближайшего озера. Пока Илья с товарищем в сопровождении автоматчика взвода охраны ходили искать обозначенное на карте озеро и доставили воду, оставшись у вагона бойцы у выкорчеванных взрывами деревьев обрубали корневища, нарубили веток и соорудили небольшой костер, обложив кострище камнями, куда и был установлен неизвестно откуда взявшийся большой бак-казан. Опустошив в него флягу с водой, Алёшин вновь направился к озеру, но уже без вооруженного сопровождения.

Санитарки подготовили операционную к приему раненых. Вычистили купе от мусора и большой грязи, тщательно вымыли горячей водой с мылом, протерли спиртом стол и стены. Вернувшись с озера, Илья с санитаром не без труда подняли на высокую насыпь, а затем в вагон, носилки с тяжелораненым и занесли в операционную, где его приняли одетые в белые халаты и с марлевыми повязками две медсестры, военврач и фельдшер.

Положив штрафника на стол, одна из медсестер осталась помогать в операционной, вторая вышла в коридор и всем присутствующим заявила, что военврачом ей поручено исполнение функции сестры-хозяйки. Пока шла первая операция, сестра-хозяйка, командуя добровольными помощниками из переменного состава, сделали все необходимое для приема послеоперационных больных и других тяжелораненых. В бывших зарешеченных камерах были начисто вымыты лежаки и застелены постели с настоящими ватными матрасами, свежими простынями. После переустройства и генеральной уборки в вагоне сохранялся лишь сдобренный спиртом своеобразный затхлый запах застаревшей грязи вперемешку с вонью мочи, пота и прокуренной кичи.

Через некоторое время преобразованный вагон из столыпинского в санитарный посетил комбат.

– Ну, как обустроились? – улыбаясь, спросил он всех сразу.

– Как видите, порядок, Анастасия Павловна на операции, – в голос сообщили сестра и санитарки.

– Доктора беспокоить не следует, пусть делает свое дело, – ответил капитан третьего ранга.

Пройдясь по коридору, заглянув сквозь открытые решетки в каждое купе, он покинул вагон. На улице у входа курили Дворников и штрафники хозяйственной команды.

– Молодцы, быстро управились, спасибо, – обратился комбат к добровольцам и продолжил: – Иван Петрович, я поручил командирам рот выделить по одному человеку в похоронную команду. В случае необходимости можете их задействовать для хозяйственных нужд. Да, после похорон погибших двух своих бойцов оставьте при медиках, мало ли что понадобится, а остальных направьте на восстановление железнодорожного полотна. Пока железнодорожников ждем, надо воронку закопать и поврежденные шпалы с насыпи убрать.

– Сделаем, – отозвался Дворников, потушив о свою руку недокурную папиросу. От махорки Политика отказывался принципиально. Если не находилось папирос, вообще не курил. После паузы Дворников обратился к подчиненным:

– Слыхали, что комбат сказал? Алёшин, вас дамы любят, наблюдал, как у них глаза горят, когда вы рядом. Стало быть, остаётесь при госпитале. Пусть сестрички потешатся!

– Я что, клоун при медчасти? – недовольно буркнул Алёшин.

– Ну почему же сразу клоун? На вас – костер, горячая вода и все такое по мелочам, что скажут. Берегите их! Остальным – за мной могилу копать, потом нас насыпь ждет.

– Командир какой, раскомандовался! Дай хоть перекурить чуток, – в тон Илье пропел кто-то из подчиненных переменников.

– По дороге покурите, айда вперед, я замыкающий, – скомандовал бывший подпоручик.

– Алёшин, если бабы совсем одолеют или без удержу домогаться начнут, зови, мы от помощи не откажемся, – изрек тот же голос из удаляющейся группы сослуживцев, подхваченный дружным хохотом и едкими репликами выглядывающих из теплушек бойцов переменного состава.

– Сам управлюсь, – сдержанно хихикнул великан вслед уходящим товарищам.

Продолжая хохотать, все три добровольца полезли под вагон, перебираясь на другую сторону состава, затем выстроились в одну колонну и по привычке, как в рабочей зоне ГУЛАГа, направились к стоявшему на опушке леса майору НКВД. Политика был четвертым. Он, как десятник на зоне, шел сбоку строя, внимательно оглядывая бойцов НКВД, стоявших с автоматами наизготове и с собаками в охране настезь открытых вагонов с добровольцами.

VII

Место для братской могилы офицеры штрафбата выбирали долго. Спор прекратился после того, как в лесу недалеко от железнодорожного полотна была найдена большая воронка, образованная от взрывов бомб с валяющимися вырванными с корнями деревьями по краям. Определив удачное расположение, Дворников предложил очистить поляну и воронку от завалов, обкопать ее края, превратив яму в просторную могилу, затем порубить ветви валяющихся деревьев на дрова для вагонных буржук, а стволы вытащить ближе к железнодорожной насыпи. Двое из его команды, вооружившись топорами, принялись обрубить ветки, изготавливая небольшие чурбаны. Прямые оголенные стволы на всякий случай складировали вдоль железнодорожного полотна.

Распределив подчинённых на выполнение необходимых работ, Политика направился осматривать теплушки и вагоны. Повернув в конец состава, Дворников Иван лицом к лицу столкнулся с командиром второй роты Яниным.

– Боец, чего вид такой озабоченный? Сделайте лицо проще, жизнь покажется интересней, – улыбнувшись первым, заговорил офицер.

– Ефим Семенович, комбат поручил повреждения вагонов с теплушками осмотреть, вот думаю, с чего начать.

– Надо быстрее думать. Хотел узнать, чем и в какие сроки ремонт собираетесь закончить, как повреждения устранять, а вы, как оказывается, еще и не начинали?

– Все зависит от количества и размеров повреждений, думаю, для этого и велено осмотр произвести.

– Прямых попаданий бомб по вагонам я не заметил, и это радует. Отверстия от пуль в досках можно устранить быстро. Я с вами. Вместе осмотр проведем и определимся с ремонтными работами, вдвоем сподручнее и веселее будет, – предложил свою помощь старший лейтенант.

– Повреждения вагона есть? Крыша, стены целы? – спрашивал офицер у стоявших в проеме открытых ворот добровольцев, обходя теплушки. И если штрафники указывали на повреждения, в вагон поднимался Политика, сам досконально осматривал место попадания пули, громко выкрикивая виды возможных работ. Оставшийся стоять у вагона офицер все подробно записывал.

Осмотр вагонов был произведен как раз к тому моменту, когда бойцы хозяйственной команды заканчивали окапывать воронку и выравнивали борта братской могилы. Застелив дно брезентом армейской палатки, санитары стали укладывать убитых на плащ-палатки и переносить к общей импровизированной могиле. Дворников по своей инициативе проверял зрачки и пульс у каждого покойного добровольца, затем громко кричал: «Следующего!», после чего санитары принимали тело и на дне рва укладывали ровно в ряд. Под диктовку начальника охраны НКВД майор Терещенко фиксировал имя и фамилию убитого. Политика, проверив пульс у одного из последних доставленных к яме добровольцев, вдруг остановился, посмотрел еще раз зрачки, уже медленнее и более сосредоточенно подержал запястье, затем приложил пальцы к шее, определяя пульс, после чего не своим голосом закричал: «Срочно носилки, он живой!». Откуда-то быстро появились санитары с носилками. Бойцы хозяйственной команды аккуратно в них переложили раненого с плащ-палатки и бегом понесли к санитарному вагону. Подбежав к открытому тамбуру зак-вагона, принялись в голос кричать. На шум в окно выглянули санитарки:

– Чего разорались, все на операции...

– Принимайте тяжелого, был среди убитых!

– У нас сил не хватит его сюда поднять.

– Скорее зовите Алёшина. Он у костра на другой стороне состава, – опять в голос закричали сослуживцы.

Одна из санитарок выглянула на другую сторону тамбура:

– Алёшин кто?

– Ну я, чего разоралась-то? – нехотя отозвался Илья.

– Надо тяжелораненого в вагон поднять. У нас сил нет, – прокричала санитарка и исчезла в темном проеме тамбура.

Алёшин аккуратно положил на землю деревянный прут, которым шевелил угли костра, поднялся с чурбана и направился к вагону. Над его медлительностью смеялись многие зэка, но и побаивались это делать в глаза. Никто не трогал Илью, поскольку знали, что он обладал недюжей физической силой и был осужден еще по малолетке за неумышленное убийство двух уполномоченных оперативников. Великан не спеша поднялся в тамбур. Прошел на другую сторону вагона, осмотрелся. Затем бесцеремонно подвинув санитарок, скомандовал:

– Подавайте вашего раненого!

На шум и суету из операционной выглянул фельдшер:

– Чего разгалделись, как вороны? Операция идет! Мешаете!

– Тут раненый на стол просится, говорит, сил нету терпеть, – в ответ на замечание пошутил Алёшин.

– Потерпеть все же придется, Анастасия Павловна другому бойцу дыры штопает. Кстати, палата для послеоперационных больных готова? – обратился фельдшер к женщинам.

– Все давно готово, – в голос отрапортовали санитарки.

– Тогда чуток подождите, уже скоро, и не шумите, – сделав наставления присутствующим, фельдшер исчез за дверью операционной.

Илья сел на ступеньки тамбура.

– Нам чего, можем и подождать, – тихо прошептал доброволец, – вы, девоньки, чего-нибудь веселого расскажите?

– Веселого тут мало, когда столько народу погибло, – как на докладе дружно защебетали санитарки.

– А бревна зачем настругали? – обратился Илья уже к сослуживцам, указывая рукой в сторону аккуратно сложенных лесин.

– Это всё Политика! Велел ветки и корни побитых деревьев порубить на дрова, а стволы, говорит, могут пригодиться! Правда, зачем не сказал.

– По всему видно, этот парень службу знает, – удовлетворенно хмыкнул Алёшин.

– Санитары! – раздалось из глубины вагона. Услышав голос военврача, обе санитарки мгновенно убежали внутрь. Минуту спустя, в тамбур вышел фельдшер и командным голосом произнес:

– Стол свободен, давайте вашего тяжелого.

– Носилки с земли поднимайте и держите, – проговорил Илья.

Оставшись на подножке вагона, он правой рукой ухватился за поручень, а левой обхватил штрафниками приподнятые носилки с лежащим без сознания однополчанином. С грузом непринужденно поднялся в тамбур. Протиснулся в тесную операционную и уложил раненого на стол. Все, кто наблюдал это действие, дружно ахнули. Алёшин вернулся и спрыгнул из тамбура в сторону прогорающего костра. Поднял с земли оставленный прут, пошевелил им угли, подкинул заранее приготовленных дров. Уселся на чурбан и замер, неотрывно глядя на языки играющего пламени.

VIII

– Ну чего уставились, приличного мужика давно не видели? – раздался звенящий от смеха голос военврача.

– Мы так, мы ничего, мы воздухом дышим, – начали было оправдываться санитарки, освобождая тамбур.

– Ладно вам притворяться и без слов видно всё. В вагоне, где я еду, стоит переносной автоклав и биксы к нему. Так вот, попросите того бугая автоклав к костру отнести, а биксы доставьте сюда, инструмент надо вымыть и салфетки с повязками пора стерилизовать.

– Я пойду, – за всех ответила сестра-хозяйка. – А вы, девоньки, – мыть инструмент и готовить к стерилизации все остальное, как я вас учила.

– Не затягивайте, успевайте, пока перекуриваю. У меня еще операции не закончены, а после перевязки понадобятся, – дала распоряжение военврач и вернулась в вагон осматривать переживших операции новобранцев.

Сестра-хозяйка спрыгнула на землю и опрометью бросилась к костру.

– Меня зовут Татьяна, – начала разговор с Алёшиным, запыхавшись от бега, девушка.

– Меня – Илья и что? – пробурчал великан, не поворачивая головы.

– А ничего. Я сестра-хозяйка эшелона. Вы, боец, переходите в мое распоряжение...

– Во как! Ну, полный пакет! Сегодня только бабы мной не командовали, – с досады сплюнул Илья и повернул голову.

К нему шла стройная девушка в хорошо подогнанной по талии, укороченной армейской юбке, опоясано кожаным офицерским ремнём. Илья поднял глаза на часто вздымающуюся небольшую женскую грудь, прикрытую широкими нагрудными карманами гимнастерки и складками белого халатика.

– Чего такой недовольный? Обидел кто, вы мне скажите, мигом разберусь, – не давая собеседнику опомниться, как перед маленьким ребенком по-матерински нежно заворковала Татьяна.

– Надо будет, сам всех на место поставлю, – небрежно ответил штрафник.

Он мельком взглянул на тонкую шею, улыбающиеся припухлые губы и карие раскосые глаза.

– Это вместо здравствуйте?

– Вот так чудо. Откуда такая? – задумчиво произнес Илья, в упор рассматривая до блеска начищенные пуговицы на гимнастерке медсестры.

– Сказала же, я сестра-хозяйка и зовут меня Татьяна.

В это время эхом разнесся по округе треск одиночных выстрелов.

– Пришла под звуки канонады, – уже заинтересованно, но с продолжающейся недовольной наигранностью буркнул Алёшин.

– Я полагаю это салют в память убитых, которых только что захоронили, – спокойно ответила медсестра.

– Упокой, Господи, их души, – небрежно обдавая себя крестным знаменем, сдержанно отозвался доброволец.

– Согласна, а вы что, верующий?

– Крещеный! Веру-то прихвостни Советов на зоне батогами отбили.

– А я – комсомолка! Знаю, что Бога нет, но исконные обряды вместе с родными соблюдаю. Верить надо в партию и светлое коммунистическое будущее, которое мы непременно построим!

– Вот тут я с комсомолкой не соглашусь. Кто по-настоящему верит в Бога, тот чист и светел. А кто верит в партию, идолов, себя любимого или еще какое светопреставление, тот

уподобляется бесам. Твоё будущее, как и моё, теперешней войной очерчено. Живем одним днем и радуемся, что живы, пока живы. Чего делать-то надо, сестричка?

– Для начала взять меня на руки и отнести в штабной вагон!

– Заболела? – спросил Илья, поднимаясь с насиженного места.

– Нет, я пошутила, – еле шевеля мгновенно пересохшими губами, произнесла Татьяна, наблюдая, как перед ней росла скала из крепких мышц.

Не отрывая от лица глаз, высоко задрав голову, девушка восхищенно смотрела на Алёшина, пытаясь заглянуть ему в глаза. Но мужчина наклонять голову и не думал. Он продолжал следить за действиями охранников НКВД и добровольцами в открытых теплушках.

– Говори, родная, кроме шуток, говори, что надо делать?

– Военврач велела походный автоклав к костру принести, растопить и операционный инструмент обработать.

– Всего-то, я подумал, серьезное что случилось. Веди, где твой клав? – с ехидцей в голосе буркнул Илья.

– Вы идёте? Точно идёте?

– Бегом бегу, аж спотыкаюсь! Разве не видно? – продолжил язвить Илья, демонстративно замедлив шаг.

Медленно переваливаясь с ноги на ногу, он успел осмотреть выглядывающие из-под белого халата быстро семенящие ноги Татьяны.

«По всему видно азиатка, но ухожена, стройна и ноги вроде некосопалые... интересно как она сюда попала?», – размышлял Алёшин, прислушиваясь к доносившимся из открытых настёж теплушек возгласам, гиканью, улюлюканью и громкому хохоту добровольцев.

– Смотри, кролик слона ведет!

– Скорее на крольчиху похожа!

– Куда она его?

– Вот бы нам туда же!

– Интересно, чем они хотят заняться?

– А ничего сестричка?

– И бежит проворно!

Взобравшись в тамбур купейного вагона, Татьяна обернулась:

– Чего остановились? Поднимайтесь скорее. Автоклав в купе военврача.

Алёшин не спеша поднялся в вагон. Поприветствовав часового моряка, заглянул в открытое купе с мягкими пружинными диванами по бокам. Он потрогал рукой аккуратно заправленные постели и тихо с досадой произнес: «Живут же люди!»

На столике у окна в серебряных подстаканниках стояли четыре тонких стакана. Под столиком в центре купе на боку лежал выдавший вида покрытый легкой ржавчиной металлический бак с двумя узкими ручками сбоку от крышки. Рядом валялся большой железный обод с четырьмя железными ножками.

– Веревка какая есть? – задумчиво, словно разговаривая сам с собой, спросил Илья.

– Удавиться от зависти хотите? – попыталась пошутить Татьяна.

– У железки этой ручки малы, не ухватить, – не обращая внимания на колкость, ответил Алёшин.

– Простынь подойдет?

– Можно и простынь попробовать, ежели ничего больше нет.

Сестра-хозяйка вынырнула из купе, оставив Илью одного. Доброволец скатал к окну заправленный матрас и сел на диван, придавив его немного массой тела.

– Достоин изготовлен! Пружины даже меня держат, кожу не рвут и не скрипят, – проговорил Алёшин, вспоминая деревянные многоярусные нары, набитые соломой тюремные матрасы, грязные постели ГУЛАГовских зон и замызганные тряпки разного рода пересылок.

– Чего заскучили, дом вспомнили? – защebetала неожиданно вернувшаяся сестра-хозяйка.

– Особо нечего вспоминать, давно это было. Подстаканники-то что не убрали, они вроде серебряные – дорогие, наверное?

– Разве? А с виду не подумаешь, – отозвалась медработник и продолжила: – В тамбуре часовой стоит, по вагону чужие не ходят. А что?

– Я так, просто к слову, – выговорил Алёшин, скручивая простынь в прочный жгут. Татьяна присела на противоположный диван, внимательно наблюдая, как великан ловкими движениями продел жгут в ручки бака, перевязал сверху, образуя большую тряпичную петлю.

– Теперь эту штуковину можно нести и на плече, – довольный своей смекалкой сам себе выговорил Илья.

Он резко встал, продел голову через тряпичную ручку бака, взял в руку обод и вышел в тамбур. Спрыгнув на землю, Алёшин обернулся на девичий окрик:

– Боец, меня-то позабыли!

С верхней ступеньки тамбура на него смотрели сияющие от счастья раскосые карие глаза.

– Ничего я не забыл. Прыгай. Подхватчу, – бесцеремонно пробубнил великан, подставляя свободную левую руку.

Татьяна, повернувшись спиной к выходу, спрыгнула. Поймав девушку на руку, Алёшин плотнее прижал ее к своему телу и не спеша направился к костру. Осознав, что обстоятельства оказались неконтролируемые, сестра-хозяйка попыталась спрыгнуть с руки великана на землю, но ноги ее беспомощно повисли в воздухе. Тогда девушка принялась демонстративно сопротивляться, мотая ногами, неустанно шевеля бедрами, своими кулачками несильно постукивая великана по рукам и плечам.

– Сиди уж, коли захотела прокатиться, – бубнил в такт своему движению Илья, не обращая внимания на разносившийся из открытых теплушек общий смех и одобрительные возгласы добровольцев.

– Нашли место и время развлекаться, – сделал замечание Алёшину Дворников, ожидавший его у костра.

– Никак нет! Сестренка обучает переносить раненых, – удрученным тоном ответил штрафник.

– Она тоже из них?

– Угу, на всю голову, – улыбнулся Илья.

– Это у вашего бойца напрочь мозги отбиты, – принялась возмущаться сестра-хозяйка, – попросила помочь сойти с высоких ступенек вагона, а он и руки распустил.

– На губу захотели? Боец, поставьте даму на землю! – возмущаясь тону штрафника, распорядился Политика.

– Я – девушка! – перебила Дворникова Татьяна.

– Тем более, следует отпустить. Девушек удерживать, если они сами этого не пожелают, это вообще статья УК. Не желают же? – смеясь, спросил Иван Петрович.

Алёшин ослабил руку. Медицинская сестра тут же соскользнула на землю. Почувствовав под ногами твердую почву, она демонстративно поправила юбку, одернула белый халат, обернулась на зак-вагон, поймав одобрительные взгляды стоявших в тамбуре подружек, подошла ближе к костру.

– Про гауптвахту и статью – это серьезно? – настороженно спросила девушка.

– Серьезней некуда! – ответил Дворников и, повернувшись к Алёшину, продолжил: – Время завтрака, вы остаетесь или с нами? Мужики хавку по вагонам разнесут, малость перекусят, перекурят и отправятся воронку засыпать на железнодорожной насыпи.

– Без меня можно? – осторожно поинтересовался Илья.

– Как скажите! Смотрю, вы здесь прижились и с обязанностями справляетесь, только от усердия не надсадитесь, – по-дружески заметил Политика.

– Я думаю, мне и тут что-нибудь перепадет, санитарки похлебку готовят, сухари есть, не пропаду, но пара банок тушенки в супчик не помешали бы, – предположил Илья.

– Паек занесем. Затруднения нарисуются, не стесняйтесь, зовите, мы зараз разрулим, – подытожил разговор Иван Петрович и направился к хозяйственному вагону.

Вставив бак в железное кольцо и проверив устойчивость ножек автоклава, Алёшин принялся перетаскивать из костра горящие головешки под днище ржавого монстра, чтобы под ним развезти огонь.

– Подождите, подождите, – закричала сестра-хозяйка. Она подбежала к автоклаву, проворными движениями рук на баке развязала тряпичную ручку, размотала простынь и аккуратно положила на пожухлую осеннюю траву недалеко от костра. Вернувшись к кострищу, раскрутила, откинув зажимы с крышки автоклава, из его внутренностей извлекла две небольшие биксы и положила на простынь. Расстегнув крышки, махнула рукой в сторону состава. Санитарки на носилках бегом принесли большой клеенчатый сверток. Тут же на простыне развернули его, обнажив вымытый хирургический инструмент и какие-то тряпицы. Татьяна быстрыми движениями принялась заполнять блестящие емкости.

– Вы чего на земле-то! На столе было бы сподручнее, – изумился Илья, глядя на проворную работу шести пар женских рук.

– Где его взять, стол-то? В вагоне все привинчено, на улицу не вынести! Заправленные биксы тяжелые и для переноски неудобные. Приходится довольствоваться тем, что есть, – не поднимая головы, недовольно пробормотала сестра-хозяйка.

Алёшин ничего не ответил. Немного постояв, направился в сторону теплушек, где бойцы хозяйственной команды по вагонам разносили продовольственные пайки.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.